

После Хэллоуина и Гриффиндор, и Слизерин погрузились в странное, даже зловещее затишье.

На Гриффиндоре Гермиона обрушилась на Гарри и Рона с суровыми упреками. Еще бы: бросили ее одну, сбежали на дуэль с Малфоем, наткнулись на трехглавого пса, да еще и лишились двадцати очков! По ее скрупулезным подсчетам, с учетом прошлых провинностей, регулярных штрафов от слизеринского декана и редких щедрот других преподавателей, парочка стремительно приближалась к гроссмейстерскому рубежу в сто потерянных баллов. Если так пойдет и дальше, то даже победа Гарри в матче по квиддичу не спасет положение: Кубка школы Гриффиндору не видать. И пусть слизеринцы шли с ними ноздря в ноздю, перспектива уступить победу когтевранцам заставляла Гермиону буквально рвать на себе и без того непослушные волосы.

Чтобы исправить ситуацию, Грейнджер объявила настоящую охоту за баллами. Мальчишкам казалось, что в своем безумном порыве она готова вытрясти очки даже из грозного Снейпа. Слава Мерлину, Невилл наконец перестал взрывать котлы, так что утечка баллов в подземельях слегка замедлилась.

Гарри с Роном относились к панике подруги с пониманием, хотя ни капли не жалели о содеянном. Как говаривал Уизли: «Какое девчонкам дело до мужской дуэли?» Зато они больше не ссорились. И когда Гермиона в очередной раз заводила песню о том, какой Пан Трэлони Джесас замечательный, друзья лишь кривились. Они уже почти месяц ломали голову над тем, на чьей стороне этот загадочный парень. А вот Малфой стараниями Рона и с молчаливого согласия Гермионы прочно укрепился в лагере злодеев. Детский мир очарователен в своей бескомпромиссности: здесь есть только черное и белое.

А почему же Гермиона согласилась признать Драко негодяем? Все из-за тех самых двадцати очков.

На Хэллоуин из-за той нелепой истории Слизерин тоже лишился драгоценных камней в факультетских часах. По строгим правилам змеиного факультета, провинившийся обязан сам вернуть долг. Так что Малфой с невиданным рвением включился в гонку за баллами, став главным соперником Гермионы. Сам Драко, конечно, не планировал устраивать дуэль умов — он просто тянул руку на каждом уроке, зарабатывая похвалу учителей. Но поскольку Гриффиндор и Слизерин почти всегда занимались вместе, их противостояние превратилось в настоящее шоу. И почему Малфой возвращал двадцать очков, а не свои десять? Исключительно из чувства товарищества. Он добровольно вызвался отработать штраф за соседа по комнате, который в это время... витал в облаках.

«Витал в облаках?»

О да, именно так. Из-за ежевечерних наказаний под бдительным присмотром Снейпа Пан уже целый месяц не мог выбраться в Запретный лес. Да и зажать Квиррелла в темном углу никак не удавалось. Джесас исходил глухим раздражением. К счастью, ноябрь подходил к концу, а с ним завершался и срок его отработок.

Очередным вечером Пан привычно возился в кабинете зельевара. Драко отправили помогать профессору Флитвику, так что Джесас остался наедине с грудой ингредиентов. Слизки моллюсков они, хвала небесам, закончили еще в прошлый раз. Теперь предстояло вручную рассортировать травы, не поддающиеся магическому разделению, по нужным ящикам. В редкие минуты, когда хозяин кабинета отворачивался, Пан призывал на помощь мелкую живность вроде мышей или сов, но рисковать лишний раз не стоило.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась. В кабинет вихрем влетел декан. Черная мантия взметнулась за его спиной, словно крылья гигантской летучей мыши. Однако Снейп заметно прихрамывал — отголосок недавней встречи с трехглавым Пушком. Пан знал, что бешеной слюной пес не брызжет, а целебное зелье зельевар уже выпил, так что рана не должна была доставить хлопот. Лезть на рожон и выдавать себя Джесас не собирался. Альбус Дамблдор и без того присматривался к нему слишком пристально после нескольких неосторожно оброненных фраз.

— Проклятая тварь! — едва удерживая равновесие, процедил Снейп.

Он обессиленно рухнул на кожаный диван, который обычно служил лишь декорацией.

— Профессор? — Пан с сомнением посмотрел на декана. Тот был мертвенно-бледен.

— Дьявол... — Снейп мотнул головой, пытаясь прогнать пелену перед глазами. Заметив взгляд ученика, он резко приказал: — Шкаф с ингредиентами. Четвертая полка сверху, третий ряд. Бутыл из темного стекла. Пошевеливайтесь, Джесас, если вам не трудно поднять взгляд.

— Да, сэр, — Пан нахмурился, но промолчал.

Он быстро нашел нужный флакон. На темном стекле не было никакой этикетки.

— Ваш флакон, профессор, — Пан обернулся и замер.

Снейп задрал подол мантии выше колена. Рана на голени, едва успевшая затянуться, снова разошлась. Кровь хлестала ручьем, смешиваясь с обожженной плотью, но хуже всего было то, что из рваных краев сочилась вязкая черная жижа.

— Это след черной магии, — вырвалось у Пана.

Похоже, канон сошел с рельсов. Декан не просто подставился под зубы бешеного Пушка — его атаковали темным заклятием. Причем весьма изощренным. Оно активировалось только при повреждении тканей: жертва не сразу замечала подвох. Лишь когда рана начинала затягиваться, проклятие вступало в силу, медленно разъедавая плоть изнутри. Жизни оно не угрожало напрямую, но не давало ране закрыться, обрекая человека на бесконечные муки. Рана то затягивалась, то вновь лопалась. Со временем, когда нервные окончания окончательно

отмирали, следовал сокрушительный удар: паралич или мучительная смерть.

Подобное проклятие встречалось редко. Большинство колдунов даже не обратили бы внимания на черную жижу в сукровице, упуская драгоценное время. Но Снейп, судя по всему, разгадал этот ребус, пусть и спустя месяц.

— Проклятье... Не знаю, стоит ли мне восхититься вашей эрудицией, господин Джесас, и накинуть Слизерину балл? — прохрипел Снейп.

Его поразила осведомленность первокурсника. Он хотел устроить допрос, выведать, откуда мальчишка знает столь редкие темные искусства. Но, увидев глубокие, пугающе знакомые озерно-зеленые глаза, Снейп осекся. Слова застряли в горле. Сдерживая глухое раздражение на самого себя, он рывкнул:

— Живее отдайте флакон!

Пан лишь молча приоткрыл пробку и слегка приняхался. Поняв, что это обычное противоядие, он протянул флакон декану.

— Профессор, боюсь, обычное противоядие здесь не поможет.

— Помолчите! — Снейп вырвал зелье из рук Пана и безжалостно вылил шипящую жидкость прямо на рану, даже не поморщившись от вспыхнувшей боли.

Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы отчитать излишне умного первокурсника, как вдруг из коридора донесся тихий скрип двери. Зельевар забыл запереть ее до конца.

— Поттер!

Снейп мгновенно одернул мантию, скрывая изуродованную ногу. Лицо его исказилось от ярости.

— Дьявол вас дери! У вас в черепной коробке тухлые водоросли вместо мозгов?! Вас не учили стучать перед тем, как войти?

— Я... я просто хотел узнать, могу ли я забрать свою книгу, — пролепетал Гарри, пятась.

— Вон! Вон отсюда!

Рев Снейпа сотряс стены кабинета. Перепуганный Гарри, не желая испытывать судьбу и лишая Гриффиндор последних баллов, поспешно ретировался, захлопнув за собой дверь.

Пан молча стоял поодаль, глядя на лежащую на краю стола книгу «Квиддич сквозь века». Он тихо вздохнул. Скоро начнется спортивный сезон.

— Вы тоже свободны! — резко бросил Снейп.

— Профессор, — Пан покачал головой. — Ваши тайны только порождают лишние подозрения.

— Полагаете, господин Джесас, что доросли до права читать мне нотации? — Снейп так и брызгал ядом.

Пан вновь вздохнул, заметив темное влажное пятно крови, стремительно расползающееся по подолу черной мантии декана. Спорить не имело смысла. Джесас молча подошел к шкафу и один за другим достал флаконы: жаропонижающее, обезболивающее, сильное противоядие и усыпляющее без сновидений. Он аккуратно расставил их на столике так, чтобы декан мог легко до них дотянуться. Затем, уходя, он негромко шепнул портрету у входа, чтобы тот приглядел за хозяином подземелий, отвесил легкий поклон и покинул кабинет.

Прямо сейчас у него не было под рукой нужных ингредиентов для снятия столь редкого проклятия. В его планах на Запретный лес прибавился еще один пункт: не просто связаться с местными магическими тварями, но и набрать свежих трав. Конечно, Снейп и сам был мастером своего дела, но знал ли он о свойствах коко-травы? Лишь ее свежие стебли, сорванные в чаще Запретного леса, могли бесследно растворить этот темный недуг. Более того, для полного исцеления требовалась слюна или шерсть Пушка, а значит, придется наведаться в коридор третьего этажа справа. Причем так, чтобы не попасться на глаза пронырливому директору. Впрочем, время еще терпело, спешить не имело смысла.

Снейп молча провожал взглядом Пана, пока тот безошибочно извлекал из шкафа нужные флаконы. На душе у зельевара было беспокойно.

Эта скрытная змейка ориентировалась в его личной лаборатории так, словно сама была хозяином подземелий. А ведь Снейп нарочно расставлял редкие зелья хаотично, без видимой логики, чтобы уберечь их от любопытных рук малолетних болванов. Подобный порядок подчинялся исключительно его собственным привычкам. И только Лили когда-то знала этот шифр.

«Лили... Неужели это ты?»

Снейп выпил зелье сна без сновидений и измученно откинулся на спинку дивана, закрывая глаза. Разум затуманивался, но он не мог прогнать эту безумную мысль.

Накануне Хэллоуина он, как и каждый год, навещал ее могилу. Пускай она носила фамилию

Поттер, для него она навсегда оставалась просто его Лили. С надгробного камня она тепло улыбалась ему. Лишь в этот день Северус позволял себе слабость — стоять перед ней и тонуть в бесконечной, удушающей тоске.

В то туманное утро у самого подножия могилы распустились крошечные, жемчужно-белые цветы жилани. Лили обожала их. Она часто говорила, что бутоны жилани светятся на солнце мягким теплом, напоминая улыбку самого доброго человека на свете — неприметную, но чистую и согревающую, как их тонкий, едва уловимый аромат. Однако жилань — капризное растение, пробуждающееся лишь по весне, и цветет оно невероятно редко. Легенда гласила, что заставить ее распуститься может лишь человек с кристально чистой душой. Северус за всю жизнь так и не сумел подарить Лили ни единого белого цветка: его собственная душа давным-давно погрязла во тьме грехов и сожалений. О чистоте он мог только грезить.

И все же в тот день могила была усыпана этими цветами. Белое сияние согревало холодный камень, будто сама Лили улыбалась ему сквозь вечность.

— Лили... Это ты? — тихо, с невыразимой мукой прошептал Снейп в полузабытьи.

Будучи мастером зельеварения, он обладал безупречным обонянием. И в ту самую хэллоуинскую ночь он отчетливо уловил этот редчайший аромат жилани. Тонкий, едва заметный запах исходил от мальчишки. От этого несносного первокурсника с точно такими же зелеными глазами.

С тех пор Снейп одержимо листал фолианты о природе душ. Он дошел до древних восточных трактатов о реинкарнации и круге перерождений. Великий скептик, презиравший сказки, вдруг ухватился за легенду, в которую не поверил бы даже самый глупый тролль.

«Разум твердил: «Очнись. Это не Лили. Мальчишка чужой, скрытный и смертельно опасный».

Но израненное сердце упрямо нашептывало другое: «Это она. Рядом с ним так спокойно. Это ее тепло».

И Снейп поддался этой иллюзии. Он инстинктивно удерживал парня поблизости, заставляя отрабатывать наказания каждый божий вечер. Он часами вглядывался в эти бездонные зеленые омуты, искал малейшие сходства, подмечал детали — и тщательно, изо всех сил скрывал свои подозрения от Дамблдора.

Вот и сегодня, утонув в этих глазах — куда более глубоких и темных, чем у Лили, — он вновь ощутил ту самую щемящую, родную нить, что связала их в первую встречу.

«Кто же ты?»

Окончательно проваливаясь в сон, Северус успел задать себе лишь один, самый главный

вопрос.

<http://bllate.org/book/18188/1758690>